

Валерий Неудахин

Валерий Фёдорович Неудахин – родился в 1955 году в г. Бийске Алтайского края. После окончания школы связал судьбу с армией. Прослужил 28 лет, по увольнении работал в кадетской школе. Много путешествует по Горному Алтаю, в походах находит истории и легенды и рассказывает читателю. Автор семи книг. Рассказы печатались в различных журналах и альманахах. Лауреат Православной литературной премии им. святителя Макария, митрополита Алтайского (2022), победитель литературного конкурса «Югра. Это моя земля», дипломант Международного литературного конкурса Агни Бхарти в номинации «Проза».

ГАРМОНИСТ

Рассказ

Дед Иван стоял на пороге бани и перебирал ногами под мелодию, исполняемую на гармонии. Да и как не перебирать некогда лучшему гармонисту на селе, когда за околицей у озера слышна «хромка». Это что же за шельмец появился в нашем околотке, такие выводит коленца? Заслушается любой, а тут бывший и бессменный исполнитель. Ревность говорила в хмельной голове, и никак не мог с ней справиться старый. Он сегодня казался сам себе добрым к окружающему миру: к берёзам, бросившим на потную землю первую желтизну; к сельчанам, что копали в выходной картошку в поле; к старухам, устроившим разговорный балаган у магазина по поводу привоза свежего товара. Секрет такого благодушия объяснялся просто: удалось-таки незаметно просочиться в дальний угол огорода, где хрен листвой переваливался через плетень. А там, в потайном месте, рядом с третьим столбиком от угла, закопана в земле бутылочка красненькой. Из неё он и хлебнул от всей русской души, потому и деловито снуёт возле бани, поленницы дров, возле кадки с водой, дабы бабка не спохватилась.

Но та увязалась за кумой и, наверное, не первую сплетню у порога сельпо обсуждают. Вот и вышло ему раздолье да просветление от сумрачной временами погоды. Второй раз отхлебнул из бутылки спокойно, размеренно. Так сказать, с полным осознанием того, какое удовольствие ему выпало. Остатки запечатал пробкой и в глубину хрена опять-таки закопал. Сорвал и пососал запоздалый помидор, тронутый ранними заморозками, крякнул от удовольствия, распиравшего изнутри, и принялся топить баню.

Но главное-то, конечно, не это событие. Гармонь! Кто так уверенно выводит ноты? Отродясь такого не слыхивал. Ивана никто не в состоянии переиграть. На спор с парнями в молодости исполнял целый день без остановки, вся деревня приходила посмотреть, кто в споре прав окажется. Такие коленца выкидывал, голова кружилась от удовольствия. Победил! Девчонкам голову вскружил. У туплей каблук отлетали, как перепляс барышни вели. Тонкий слух его поймал небольшой сбой, Иван поморщился, словно свою оплошность допустил. И тут гармонист вдарил Камаринскую, так ловко мелодия повелась, заливаясь и удивляясь звукам, издаваемым ею самой. Переборы ускорялись и ускорялись. Мелькнуло: ведь собьётся сейчас. Запереживал за незнакомого исполнителя дед, да даром. На самой верхней ноте запела и зазвенела, уводя с поляны к реке. Как он в прежние времена уводил за собой. Стихла, а спустя секунды полилась печалью: «Извела меня кручина...»

У Ивана невольно заломило пальцы в суставах, поднёс к глазам руки и внимательно поглядел. Громкие утолщения в соединениях фаланг, болящего вида подушечки, бугристая тыльная сторона, изрезанная реками и ручейками вен. От морщин и свободного места не найдётся. К тому же трясёт их

лихоманка, что ни возьмёшься делать, с трудом управляешься. Смех сказать, за стол сядешь и ложкой в рот попасть не можешь. Только морковь сеять. Какой тут – гармонь в руки взять, стоит родимая с десяток, а то и более лет на почётном месте. На комод, накрытая вязаной салфеткой.

Сколько себя помнил, столько с гармошкой и представлял. Дед передал наследство, как старшему внуку. Он и игре обучил, хитростям разным. Гармонь одна на всю деревню – пуше глаза берегли. Времена сложные выпали на молодость, борьба с международным капитализмом, с разными внутренними врагами. Простой народ понять, почто сегодня врагом стал тот, кому ещё вчера в ладоши хлопали, – не мог. Но в силу обстановки, сложившейся по всей стране, понимали: хлеб отдать надобно, чтобы станки покупать, вырваться вперёд и победить супостата. Да и кто особо сопротивлялся. Всякое упорство с властью обходилось болезненно.

Припрячут, бывало, хлебушек в ямы, в потаённых местах вырытые, надеются не помереть от голода. Придут уполномоченные государством люди и приглядываются. Как хлеб изъять? Явно попрыгали. А чего присматриваться, коли все друг дружку знают и даже место схрона указать могут. Отец собрал детвору на пыльном дворе, Ивана играть заставил, а остальных детей плясать. Кто без рубахи, другие и вовсе без штанов. Сопливые и грязные, что с таких взять? Да хитры люди, что государством назначены хлеб изымать. Это понять надобно, им тоже жить хочется, не он – так его. За правило взяли: коли дети живы, не перемерли с голода, значит, есть в доме хлеб: а тут такая орава. Отцу невдомёк, а они пытаются у младшенького. Мамку с тятенькой поставили и у них на виду мальцу ручонки выкручивают, не выдержал отец – что так, что эдак изведут до смертушки. Повёл к яме в рощице берёзовой.

В тот год выжили благодаря тому, что мать схитрила и вторую ямку от отца тайком устроила. Небольшую, да запаса гороха, проса хватило, чтобы выдюжить. Хорошо, не отправили по этапу в болота Нарымские, других не миновало. Уехали люди и пропали. Спустя время вернулись некоторые, угрюмые и молчаливые.

Благодаря гармонии их семья не попала на баржу в долгий путь к Северу. Молодой председатель свадьбу праздновал, играть позвали Ивана. Ему не хотелось такого присутствия, невдомёк, чего это отец настаивает, чтобы отыграл. Только спустя годы окончательно понял, что семью глава спасал от северного свежего воздуха. После праздника записал председатель семью как активистов колхозной жизни, и случай со спасительной ямой забыт оказался.

Подсел во хмелю к молоденькому гармонисту и выдал сокровенное:

– Я ведь, Ванятка, собирался списать с баланса вашу семейку. Документы готовил на отправку на поселение. Хорошо играешь, молодец. Считаю, спас семью-то. Ну а теперь живите, разрешаю!

И налил бражки стакан, заставил выпить. То первая порция питья хмельного для мальчишки оказалась. Выпил, чтобы страх погасить, на второй день меха растягивал, хотя болела голова. С той поры, ой, сколько выпито! Нет, не злоупотреблял, он и сейчас не грешит. А тайком от Клавы, жены своей, так оттого, что беспокоится она за сердце большое его:

– Мне, Иван, без тебя жизни нет на этом свете. Как я одна? Ты побереги себя, вместе уйдём, как срок подойдёт.

Он ведь фронтовик. Почитай, всю войну протопал в пехоте от Москвы и до Берлина. Как напал немец, в военкомат пришёл, да военком завернул:

– Куда ты собрался? Что, думаешь, на парад? Крови и на твоём веку доведётся насмотреться. Не приписывай годы, на следующую осень приходи.

Не утерпел Иван, собрался и тайком, напрямки, через поля и сенокосы до станции ушёл. Там и забрался скрытно в вагон с лошадьми. Они и прикрывали его несколько дней, в сене прятался, пока не обнаружил дотошный младший лейтенант. Вывели его на станции, поставили перед большим чином, полковником, ответ велели держать, куда путь держит и как в поезде оказался. Рассказал всё как на духу, да обидно, расплакался от бессилия что-либо доказать. Военный начальник снять приказал с эшелона.

Стоит состав, дожидается сигнала на движение, в штабном вагоне на гармошке солдатик пилюкает, играть учится. Попросил: дозвожь с горя напоследок сыграть вам. Взял инструмент, привычно пальцы по клавишам пробежались. «Семёновну» выдал, словно ахнул, да так, что в пляс солдатки пустились. Перебор на переборе, такие наигрыши вспомнил! Подошёл политрук:

– А можешь про войну?

Заиграл «Вставай, страна огромная! Вставай на смертный бой...», Иван научился подбирать музыку. Чего не исполнить? Лица людей преобразились, сгрудились возле гармониста. Хором запели. Полковник по просьбы политрука махнул рукой:

– Под твою ответственность!

И поехал Иван на фронт, Родину защищать. В морозы и в жару, в дожди и в метели топал, выполняя свою солдатскую работу. Не стеснялся пулям кланяться, но и не прятался за последний бугорок. Награды имел, на особом счету у командования числился. Оказался в разведке. Уйдут иной раз в тыл, обратной дороги не видно. Ходят по вражьи позиции, дома потеряют давно, только по радиации сведения получают.

А как выберутся к своим, гармошка зазвучит в землянке – и печаль и удаль выскажет окружающим берёзам да осинам, привет песенный посылает домой вместе с треугольником полевой почты. Сам Иван петь не умел. Вернее, умел, но голос отсутствовал. Заиграет, и инструмент будто бы словами разговаривает. А бойцы пели! Вспоминая перелески, поля и огороды родных деревень: у кого попавшие под оккупацию, у кого – в далёком тылу. Пели с печалью о любви, оставшейся дома на тяжёлой работе. Оно понятно, и на фронте тяжело, да бабёнок жалко: надорвутся, а им ещё рожать, чтобы детьми численность населения страны поднимать.

Дошёл до столицы вражеской, ни разу не ранен. Видно, хорошо за него матушка по ночам молилась, поклоны на праздничный угол отбивала, иконы-то в доме сильно не разместишь. Тогда деревни в рощах и в лесах молились. Оплакивали павших, здоровья желали стоявшим в строю, терпели! Терпели! Будь Иванова воля – над каждой избой поставил бы купол и ангелов попросил летать.

Отыграл на ступенях рейхстага, отплясали на радостях товарищи по оружию, да просто война не прошла мимо. Собирались домой, а пришлось на Дальний Восток мимо дома проехать, самураев бить. На востоке-то пуля и достала Ивана. Несерьёзно, но пришлось отлежать в госпитале, чтобы домой отремонтированным вернуться. А когда отступило дневное светило, порвала сумерки мелодия. Всё село ощутило – гармонист вернулся. Зиму на вечерках играл: днём трудился, а к вечеру зазывали поиграть. Соскучился народ по нормальной жизни да по песне русской, что душу перевернёт своими напевами.

Там и заметил Клавдию. Худенькая, после войны сильно справных не найдёшь, а эта подавно светится. Плясать любила, всякого в переплясе уgomонит. С Иваном завязались отношения, ни на шаг не отходит, прислонится головой к плечу, у гармониста сердце замирает. Изредка не выдержит, посмотрит жалостливо в глаза, испросит разрешения: припустит в пляс, не остановишь. Мужиков в деревне мало осталось, только деды на завалинках сидят. За фронтовиками увивались, на женитьбу рассчитывая. Но на всех не наберёшь, на поле боя остались. Бабёнки встречались, которым и минуточки счастья в достатке, большего не просили. Но Иван любил свою ненаглядную, не смел её обидеть не только отношениями на стороне, даже взгляда косога на холостячку не позволял себе.

А что? Дружно прожили, дети в городе, дед с бабкой на лето внуков принимают. Только не смог Иван передать искусство игры на гармонии по наследству. А сейчас поздно, сам боится в руки взять, стоит теперь на комодe – не тронута, не обласкана пальцами музыканта. Хромка любимая, раньше такие северянками называли...

А в наступивших сумерках звала гармонь, полились страдания, зазывая за собой в берёзовую рощу. Деда разобрало любопытство: кто посмел переиграть старого гармониста? Он нашёл лаз в плетне, обжигаясь крапивой, пробрался и тихо подошёл со стороны. Не выходя на свет, замер. Молодые девичьи голоса чисто выводили песню, поддерживая музыканта. Кто же таков? И увидел на лавочке мальчишку лет пятнадцати, растягивающего меха и перебирающего клавиши-пуговики. Вот шельмец! Чего творит-то! Да как ловко у него получается, душа задохнулась от восторга! А новые коленца всё вырывались из инструмента, у деда покатились слеза, и он, боясь себя выдать, попятился назад к спасительному лазу.

– Ванюша, пойдём на речку, – послышался задорный голосок.

– Иван, Иван! Да ты где запропал? – звала жена...

Надо свою хромку отдать мальцу. У неё голос золотой, сейчас таких нет. Чего ей молчать в доме. Гармонь играть должна, чтобы вокруг неё жизнь радовалась!